

ДЖОН
ХУПЕР

И
ТА
Л
Я
Н
Ц
Ы

Уверенность в том,
что жизнь драгоценна,
сочетается у итальянцев
с решимостью прожить ее
на полную катушку.

Л
Я
Н
Ц
Ы

Даже если итальянцы
не делают «это» лучше
всех остальных, они
определенно делают
это очень достойно.

Я
Н
Ц
Ы

Показать итальянцу,
что вы рассержены, непросто.
Поэтому вы постепенно
развиваете способность
сознательно терять
самообладание.

Джон Хупер

Итальянцы

«Альпина Диджитал»

2014

Хупер Д.

Итальянцы / Д. Хупер — «Альпина Диджитал», 2014

ISBN 978-5-9614-4548-0

Что делает Италию столь удивительной, особенной и прекрасной? Конечно же, люди! Портрет итальянца не одинаков в разных регионах, но раскованность и жизнерадостность – его неизменная черта. Британский журналист Джон Хупер написал критичную, но в то же время полную любви книгу об итальянцах, об их менталитете и отношениях между собой и приезжими. О многовековой любви к своему району и локальным магазинам и кафе, о роли церкви, о коррупции и мафии. О сложной законодательной системе, где общенациональные и местные законы зачастую противоречат друг другу. О легкости отношения к жизни, о прошлом, настоящем и будущем замечательной и любимой во всем мире страны. Это не путеводитель. Это книга о национальном характере, рожденном великой историей и не всегда понятной иностранцам современностью.

ISBN 978-5-9614-4548-0

© Хупер Д., 2014

© Альпина Диджитал, 2014

Содержание

1. Прекрасная страна	9
2. Бурное прошлое	15
3. Отголоски и отражения	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джон Хупер Итальянцы

Переводчик *Мария Томс*
Редактор *Наталья Нарциссова*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректоры *М. Миловидова, М. Савина*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Ю. Буга*
Иллюстрация на обложке *Shutterstock*

© John Hooper, 2014

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd, and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

1. Прекрасная страна

*Il bel paese
ch'Appennin parte, l' mar circonda e l'Alpe.
«Прекрасная страна, что разделена Апеннинами и окружена
морем и Альпами».*
Петрарка. Канцоньере, CXLVI, II. 13–14 (1373)

Никому не пришло бы в голову начинать книгу с описания Порта Пиа.

Расположены они в одном из наименее привлекательных уголков центра Рима – месте, где соседствуют архитектурные стили разных эпох и их представители поглядывают друг на друга с подозрением, словно свекровь с невесткой. Самое большое здание в округе – Британское посольство, построенное в 1970-х годах. Архитектор сэр Бэзил Спенс очень старался, чтобы его творение удачно вписалось в окружающее пространство. Но уверенности, что ему это удалось, нет. Здание посольства напоминает огромный бетонный полупроводник, выдернутый из материнской платы гигантского компьютера.

Ворота – те самые Порта – названы в честь Пия IV, последнего покровителя Микеланджело, папы римского, который привел к успешному завершению Тридентский собор и тем самым положил начало Контрреформации. Друг и биограф Микеланджело Джорджо Вазари писал, что художник предложил Пию три проекта ворот и тот выбрал самый недорогой¹. В наши дни эти ворота образуют одну из сторон более масштабного сооружения – ту, что обращена к центру Рима. Вопрос о том, какая часть задумки Микеланджело уцелела, остается открытым. Изображения ворот на монете чеканки 1561 года, когда началось строительство, и на гравюре, сделанной через три года после окончания работ, существенно различаются.

В XIX веке другой Пий – папа римский Пий IX – разместил позади ворот Микеланджело (если считать, что они все еще имели отношение к Микеланджело) внутренний двор, а также добавил новый фасад в неоклассическом стиле, обращенный в противоположную от центра города сторону. За внутренним двором между двумя фасадами Пий IX построил несколько зданий таможенных постов. Рим тогда еще был столицей Папской области – обширной территории, управлявшейся папами с VIII века, последний правитель которой с негодованием отказался присоединить ее к новому государству – Италии.

Каждая из сторон Порта Пиа продолжается Стеной Аврелиана. Она была построена в III в. для защиты Древнего Рима. Величественная и крепкая стена с большим или меньшим успехом защищала город на протяжении 15 веков. Только пробив в ней дыру в полусотне метров к западу от Порта Пиа, итальянские отряды смогли пробраться в Рим и таким образом завершить объединение полуострова, положив конец светской власти пап. Многие солдаты, прорвавшиеся сквозь брешь в то сентябрьское утро 1870 года, принадлежали к элитному корпусу новой итальянской армии, известному как берсальеры («меткие стрелки»). Позже таможня у Порта Пиа была превращена в музей берсальеров.

В целом окрестности ворот беспорядочно эклектичны. Однако этот район площадью всего в пару сотен квадратных метров напоминает обо всех периодах истории, которыми итальянцы особенно гордятся, – о Римской империи, Ренессансе и Рисорджименто². Некоторые,

---

¹ Возможно, Микеланджело припомнил Пию этот выбор. В центре башни над воротами и по обе стороны входа есть странное украшение, которое подозрительно похоже на чашу с изящно наброшенным полотенцем. Некоторые считают, что это намек на происхождение Пия. Поговаривали, что он ведет свой род от семейства миланских цирюльников.

² Рисорджименто – движение, которое привело к свержению иностранных правителей Италии и объединению страны в XIX веке.

хотя и не все, включили бы в этот список еще и папскую власть, и Контрреформацию, которые принесли с собой великолепие барочных церквей Рима.

Какой еще народ, сравнимый с итальянцами по численности, мог бы претендовать на столь выдающийся перечень достижений? Эта нация – даже если до недавнего времени она не считала себя нацией – создала империю, объединившую Европу, и совершила крупнейший культурный переворот в западной истории, который predetermined все наше современное мировоззрение. Кроме того, итальянский полуостров стал главным средоточием христианского мира.

Ни один другой народ не может похвастаться таким количеством великих художников и скульпторов: это, безусловно, Леонардо, Микеланджело и Рафаэль. Но также Донателло и Бернини, Пьеро делла Франческа, Боттичелли, Тициан и Караваджо. Есть и другие, такие как Мантенья, – они далеки от первых в списке, но были бы провозглашены национальным культурным достоянием в большинстве других стран Европы. Далее идут архитекторы – Брунеллески, Браманте, Палладио; литераторы – Данте, Петрарка, Боккаччо. И конечно, композиторы. Италия дала миру Вивальди и семейство Скарлатти, Верди и Пуччини.

Святой Бенедикт, Святой Франциск и Святая Екатерина Сиенская также были итальянцами, равно как и Галилей, Христофор Колумб и Мария Монтессори. Среди прочего, мы обязаны этой стране григорианским календарем, языком музыки, часовыми поясами и методом двойной записи в бухгалтерском учете. Итальянцы изобрели телеграф, сейсмограф и электрические батареи.

Они дали нам оперу и Венецию, соборы Святого Петра и Святого Марка, кафедральные соборы в Милане и Флоренции, падающую Пизанскую башню и фонтан Треви. Большинство людей знают названия таких исторически значимых городов, как Болонья, Перуджа и Неаполь, даже если никогда в них не бывали. Но есть и другие, разбросанные по Италии, о которых слышали немногие иностранцы, места вроде Трани и Мачераты, Верчелли и Козенцы – они вмещают больше культурных сокровищ, чем все Соединенные Штаты вместе взятые.

Это умопомрачительное наследие несомненно завораживает любого, кто приезжает в Италию. Но картинка, которую увозят в своем сознании туристы, садясь в самолет на обратный рейс, если и не ошибочна, то уж точно дает мало представления о послеантичной истории страны и жизни большей части ее населения после падения Римской империи. Более наглядно об этом расскажет укрепленная средневековая башня всего в паре сотен метров к западу от Порта Пиа. Она была возведена в IX веке и реконструирована между XII и XIV веками. Это одна из многих башен, встроенных через равные промежутки в Стену Аврелиана, которая тянется по обе стороны от Порта Пиа.

Почти полтора тысячелетия большая часть того народа, который мы сейчас называем итальянцами, либо жила под властью чужестранцев, либо обитала на территориях столь крошечных и слабых, что постоянно находилась под угрозой завоевания. Почему? Для Луиджи Барзини, автора, пожалуй, наиболее известного портрета своего народа, это был «главный из всех итальянских вопросов»: «Почему Италия, земля, как известно, изобилующая энергичными, находчивыми и умными людьми, всегда ведет себя так безропотно? Почему ее захватывали, опустошали, разворовывали, унижали в каждом столетии и тем не менее она не принимала ничего, чтобы защититься?»

Отчасти ответ надо искать в географии, способствующей раздроблению страны. Почти десятая часть итальянцев живет на острове, физически отделенная от всего остального народа. Сицилия, самый большой остров в Средиземном море с численностью населения почти как в Норвегии, достаточно велика, чтобы быть отдельным государством. Ландшафт острова не менее разнообразен, чем у многих более крупных территорий. Песчаные пляжи и скалистые берега, крутые склоны цитрусовых рощ и волнистые пшеничные поля – все это типичные пейзажи Сицилии. К востоку от Катании есть обширная равнина и несколько горных цепей, пик

одной из которых достигает высоты 2000 м. Впрочем, даже это кажется мелочью по сравнению с Этной – самым высоким в Европе действующим вулканом, который выше упомянутого пика в полтора раза. Замыслы соединить Сицилию с остальной Италией мостом или тоннелем появились еще во времена Римской империи. Кратчайшее расстояние от острова до материка составляет всего 3 км, однако ни один из таких проектов так и не был реализован – в наши дни не в последнюю очередь из опасений, что столь масштабное строительство станет золотым дном для сицилийской Коза ностра и Ндрангеты из Калабрии – области по другую сторону Мессинского пролива.

Сардиния, второй по величине остров в Средиземном море, находится в пяти часах пути на пароме от порта Чивитавеккья к северу от Рима или в десяти часах от Генуи. Изумрудный берег на северо-востоке острова стал местом отдыха звезд Голливуда, европейских светских львов, арабских шейхов и русских олигархов. Однако остальная часть Сардинии пустынна, а ее гористый регион и вовсе малообитаем. В отдаленном горном районе Барбаджа, когда-то известном своими бандитами, продолжают практиковать обычай кровной мести, корни которой в иных случаях уходят в прошлое на десятки лет.

Зимой жители Липарских и Эгадских островов у побережья Сицилии, Понцианских островов в Тирренском море, Тосканского архипелага и даже таких островов, как Капри в Неаполитанском заливе, могут быть отрезаны от материка по нескольку дней подряд из-за плохой погоды. Жители Лампедузы, что в 112 км от побережья Северной Африки, находятся дальше от своих итальянских собратьев в Альпах, чем жители Нью-Йорка от жителей Атланты, штат Джорджия.

На материке итальянцы также отделены друг от друга, но больше скалами, чем водой. О ней редко так говорят, но Италия – одна из самых гористых стран Европы. Альпы тянутся широкой аркой через север страны, так что в зимние ясные дни их заснеженные вершины отчетливо видны как из Венеции на востоке, так и из Турина на западе. К югу от долины реки По, которая пересекает на севере почти всю страну, вздымаются другие горы. Горная цепь Аппенин тянется вдоль полуострова и распадается на отдельные горные массивы, поворачивая к Калабрии, «мыску» итальянского «сапога». Однако итальянцы не считаются горным народом, потому что подавляющее их большинство живет в низине, которая занимает меньше четверти площади страны и состоит в основном из долины По и прибрежной полосы, окаймляющей полуостров.

Южную часть полуострова часто считают одним цельным регионом, но на самом деле она весьма разнообразна. Прибрежные районы Калабрии достаточно типичны для средиземноморского побережья. Но в глубине ее возвышаются два крупных труднопроходимых горных района: горное плато Сила на севере и массив Аспромонте на юге. Апулия – «каблук сапога» – напротив, по большей части плоская, как раскатанное для пиццы тесто. Ее бескрайние песчаные пляжи в последние годы пользуются у туристов все большей популярностью.

Между Калабрией и Апулией находится Базиликата – один из красивейших и наименее известных уголков Италии. Большая его часть гориста, а почти вся остальная покрыта холмами. Хотя Базиликата и остается одним из самых бедных районов Италии, она имеет все шансы разбогатеть за счет недавно обнаруженного крупного нефтяного месторождения Темпа-Росса. Организованная преступность, цветущая пышным цветом в Калабрии и чуть скромнее в Апулии, здесь пока не так распространена.

Более северные области Молизе и Абруццо также гористы. Жители Абруццо, по крайней мере те, кто живет во внутренней части региона (он также включает широкую прибрежную полосу), наделены всеми качествами, которые традиционно приписывают горцам, включая физическую выносливость и упорство. В столице Абруццо Л'Акуиле базируется единствен-

ная заслуживающая внимания в Мещоджорно³ регбийная команда. Л'Аквила расположена в потрясающем месте – на широкой равнине, окруженной с севера и юга горами. Однако жители Л'Аквила не только наслаждаются величием природы, но и вынуждены постоянно помнить о ее безжалостности. Абруццо – сейсмически активный регион, в 2009 году в Л'Аквиле произошло мощное землетрясение, четвертое в истории города. Его жертвами стали больше 300 человек.

Кампания – регион, в котором расположен Неаполь, – предлагает более узнаваемый образ южной Италии. К югу от Неаполя находится заслуженно знаменитое Амальфитанское побережье. Далее, к югу от Салерно, лежит еще одна прекрасная, но куда менее известная область Чиленто. Сам Неаполь расположен в не менее восхитительном месте, чем Л'Аквила. Широко раскинувшийся Неаполитанский залив с нависшим над ним курящимся Везувием можно видеть на бесчисленном множестве старых гравюр. В те времена, когда были сделаны первые из них, Неаполь считался раем на земле. Гете, посетивший город в 1787 году и, похоже, не заметивший той бедности, которая всегда была свойственна Неаполю, описал его как место, где все «живут в своего рода хмельном самозабвении». Интересно, что он сказал бы о городе и его окрестностях сегодня. Кампания – беднейший и самый депрессивный регион Италии. Приезжающие туристы обычно видят только Капри или такие курорты, как Сорренто и Позитано, но большая часть населения Кампании проживает в обширных пригородах Неаполя и Салерно, в опасно расположенных или плохо построенных панельных домах – все это видимые проявления коррупции и всепроникающего присутствия местной мафии, Каморры.

К северу от Кампании находится Лацио – земля латинов, древний Лаций. Большая его часть представляет собой равнину, особенно вблизи Латины, которая, несмотря на антично звучащее название, появилась только в 1930-х годах, при Муссолини, когда были осушены местные болота. Однако в Лацио есть и холмистая местность, известная как *Colli Romani* (Римские холмы), где во дворце на краю потухшего вулкана расположена летняя резиденция папы римского. И даже кусочек Апеннин попадает в этот регион. Зимние гости Рима, которые отваживаются забраться на Яникул ради панорамного вида города, изумляются, когда видят сразу за холмом ряд заснеженных вершин. На самом деле они не так близки, как кажется; тем не менее вы можете отдохнуть на горнолыжном курорте, который находится меньше чем в двух часах езды от Рима.

За пределами столицы начинается пейзаж, характерный для Умбрии и Тосканы. Еще до того, как вы покинете Лацио по *Autosole* – главной автостраде Италии, идущей с севера на юг, на горизонте появятся крупные каменные глыбы с прямыми сторонами и плоским верхом. Некоторые из них обитаемы: например, на одной находится Орвието, один из многих в центральной Италии городов на туфовом холме, где с давних времен укрывались от неприятеля.

Умбрия – это единственный регион без выхода к морю, но в нем почти нет гор, за исключением юго-восточной части. В основном это край высоких зеленых холмов, зимой (а иногда и летом) обильно поливаемых дождями. Дожди, выпадающие над Умбрией, также питают мелкие воды озера Тразимено – редкий пример бессточного озера: в него не впадает и из него не вытекает ни одной реки.

Большинству людей Тоскана запоминается бесподобными холмистыми пейзажами Кьянти между Сиеной и Флоренцией. Но и в этом регионе ландшафт очень разнообразен. К югу от Сиены находятся *crete senesi* (дословно – «сиенские глины»), которые, высыхая, летом приобретают вид лунного пейзажа. К северу от Флоренции тянется крупный индустриальный район. А дальше лежат все те же горы. Самые знаменитые из них располагаются на северо-западе Тосканы. Именно здесь находятся Каррарские каменоломни, которые со времен антич-

---

³ Так называют южную часть Италии – примерно треть всей материковой части, также сюда часто включают Сицилию и Сардинию.

ности снабжали скульпторов мрамором. Давид и Пьета работы Микеланджело были вытесаны из камня, добытого на горных склонах недалеко от Каррары. Небольшая часть Апеннинского горного массива отделяет Тоскану от Марке и его широкой прибрежной равнины.

На севере, где Апеннины поворачивают к западу, равнина расширяется до тех пор, пока не сливается с долиной По в регионе Эмилия-Романья. Как понятно из названия, он состоит из двух областей: Романья на юге с ее хорошо развитыми туристическими курортами, в числе которых Римини, и Эмилии, которая простирается вплоть до реки По и славится своей сельскохозяйственной продукцией, а также самой яркой кухней, какую можно найти в Италии. Парма, родина одноименной ветчины и сыра пармезан, находится именно в Эмилии.

Крупнейшие регионы долины По – Венето и Ломбардия. Венето отделяет от остальной Италии даже не столько география, сколько отношение жителей Венеции к обитателям равнинных прибрежных районов, на которых они всегда посматривали свысока, как на неотесанных крестьян. В прибрежной полосе расположено несколько исторически значимых городов, таких как Падуя, Верона и Виченца, но до относительно недавнего времени эта область была одной из беднейших в Италии. Вплоть до Первой мировой войны она была самым крупным источником эмиграции из страны. И даже годы «экономического чуда» в Италии (с начала 1950-х до начала 1960-х) не очень-то повлияли на отсталость региона. Только в 1970-х в Венето начался экономический рост – настолько быстрый, что сейчас это третий из самых богатых регионов после Ломбардии и Лацио. О его процветающей, ориентированной на экспорт промышленности свидетельствуют фабрики и склады, которые возвышаются над горизонтом на фоне лишенных растительности пейзажей.

Ломбардия топографически похожа на большинство других регионов: от долин на юге, по обе стороны По, можно подняться через холмы к горам. Что действительно отличает ее от остальных – это потрясающе красивые озера. Самые крупные из них – Лаго-Маджоре на границе со Швейцарией, Комо и Гарда. В Ломбардии находится финансовая столица Италии Милан, и традиции предпринимательства и благополучия здесь, в отличие от Венето, уходят корнями в Средние века. Милан расположен примерно посередине огромного промышленного «коридора», который тянется от Местре, что в Венецианской лагуне, до Турина – столицы Пьемонта.

Когда-то Пьемонт был политически объединен с Савоем, находящимся по другую сторону Альп на территории современной Франции, и потому стал лазейкой, через которую в итальянское сознание просачивались идеи из других стран Европы. Правители Пьемонта сыграли самую действенную роль в объединении Италии, и именно этому региону новое объединенное государство обязано большей частью своей конституционной, административной и законодательной структуры. Турин, родина автомобильной компании Fiat, был даже в большей степени, чем Милан, центром итальянского «экономического чуда». Однако значимость Пьемонта не ограничивается политикой или экономикой: к югу от Турина раскинулся холмистый край, известный под названием Ланге. Если Эмилия, по общему мнению, главный гастрономический регион Италии, то мало кто будет спорить, что Ланге – самый выдающийся винодельческий регион, родина «Бароло» и многих других вин, возможно, менее известных, но ценящихся очень высоко, таких как «Барбареско». В туманном Ланге также собирают самый большой в Италии урожай белых трюфелей и немалую часть фундука, идущего на производство «Нутеллы».

Далее к югу находится скалистая Лигурия. Втиснутая между Апеннинскими, которые загибаются к западу по направлению к французской границе, и Средиземным морем, Лигурия невелика, но густо населена. Ее побережье, Итальянская Ривьера, было одним из первых мест, которые иностранные туристы открыли для себя в XX веке наряду с Амальфитанским побережьем, на которое она в известной степени похожа. Генуя – столица Лигурии и ее главный порт –

веками была центром морской республики, которая соперничала с Венецианской, а иногда и превосходила ее. Прославленный мореплаватель Христофор Колумб был генуэзцем.

Между Ломбардией и Венето находится регион Трентино – Альто-Адидже, на севере которого говорят по-немецки, а на юге – по-итальянски. Эта альпийская область была когда-то частью Австро-Венгрии. Италии ее отдали в награду за переход на сторону союзников во время Первой мировой войны. С 1972 года Альто-Адидже (который его немецкоговорящие жители предпочитают называть Südtirol, то есть Южный Тироль) и Трентино управляются более-менее самостоятельно, как автономные провинции.

Этот регион – один из пяти, имеющих особый конституционный статус. Остальные – это Сицилия, Сардиния и еще два на севере: альпийская Валле-д'Аоста, имеющая прочные связи с Францией, и Фриули-Венеция-Джулия, которая граничит со Словенией и делится примерно поровну на гористую область на севере и равнинную на юге. В течение многих веков реки, берущие начало в Альпах и текущие по долинам, разделяли регион, части которого по несколько раз переходили от Венецианской республики к Габсбургской империи, королевству Италия, Австро-Венгрии и бывшей Югославии.

Непростая история Фриули-Венеции-Джулии многое говорит об итальянцах и помогает объяснить существенные различия между ними. Горы, моря и озера, которые их разделяли – и которые когда-то были гораздо более серьезными препятствиями, чем сейчас, в век автострад, самолетов и скоростных поездов, – предопределили лингвистическое, культурное и гастрономическое многообразие страны. То, что верно для Сицилии, едва ли будет таковым для Триеста. И то, что верно для умбрийского городка Сполето, не будет справедливо для Норции, которая также находится в Умбрии, причем меньше чем в 30 км, но куда даже в наши дни можно добраться на машине только по горному серпантину самое меньшее за 45 минут.

Однако если бы физические препятствия были самыми значительными препонами для взаимодействия в течение веков, можно было бы ожидать, что самые большие различия будут наблюдаться между жителями востока и запада, потому что, несомненно, главной преградой для общения являются Апеннинские горы. На самом же деле различия между востоком и западом не так уж велики. Наибольший контраст в современной Италии можно видеть между севером и югом. Почему? Ответ на этот вопрос и на «вопрос из вопросов», заданный Барзини, может быть найден только на страницах истории Италии, которые ее жители предпочли бы забыть и о которых едва ли осведомлены иностранцы.

2. Бурное прошлое

За 30 лет под властью Борджиа Италия пережила войну, террор, убийства и кровопролития, но она произвела на свет Микеланджело, Леонардо да Винчи и Возрождение. В Швейцарии царила братская любовь, 500 лет она прожила в мире и демократии – и что из этого вышло? Часы с кукушкой.

Гарри Лайм в фильме «Третий человек», реж. Кэрл Рид (1949)

Это было Рождество 800 года. Король франков Карл I, который позже станет известен под именем Карла Великого, присутствовал на мессе в старой базилике Святого Петра. За несколько лет до этого бывший тогда у власти папа римский попросил франков о защите. Франки – германский народ, который создал государство, простиравшееся от современной Германии через большую часть нынешней Франции до Пиренеев. Отец Карла Великого Пипин пришел на помощь папству, и его сын тоже считал себя его защитником. Та поездка Карла в Рим оказалась последней. Его биограф Эйнхард писал, что Карл Великий прибыл в город восстановить порядок после того, как папу римского Льва III атаковали римские заговорщики, которые попытались «вырвать ему глаза и ослепить его».

Более поздний летописец писал: «Когда король ... поднялся после молитвы, Лев возложил на его голову корону и его приветствовали все жители Рима». С тех пор историки недоверчиво поднимают брови, когда слышат, что папа застал Карла Великого врасплох. Но биограф короля Эйнхард настаивал, что Карл «сперва испытывал такое отвращение [к титулу Императора], что заявил, что не переступил бы порог церкви ... если бы мог предугадать замысел папы».

Как бы там ни было, папский почин и связанные с ним события возымели значительные последствия для Европы, в частности для Италии. Большую часть последующей истории полуострова невозможно понять без осознания этих последствий, некоторые из которых ощущаются и сегодня.

До коронации Карла Великого история Италии шла тем же путем, что и история всей остальной Западной Европы. После распада Западной Римской империи значительная часть континента оказалась открыта набегам кочевников, в основном германских племен, которые получили военное превосходство над римскими легионами. Итальянский полуостров – сердце бывшей империи и место, где римская культура и изобилие достигли своего расцвета – был особенно заманчив.

К концу V века большей частью современной Италии более или менее мирно правил Теодорих, талантливый властитель остготов, восточной ветви готских племен. Если бы его государство просуществовало дольше, об Италии как о политической единице могло бы сложиться более четкое представление. Но остготам довелось править страной всего 60 лет. Одно из немногих напоминаний об этом – великолепный мраморный мавзолей Теодориха, на который и по сей день можно посмотреть в предместье Равенны, которую он сделал своей столицей.

Так или иначе, Теодорих был наместником короля. Его отправили заявить о правах на полуостров в качестве представителя восточной части бывшей Римской империи – государства со столицей в Константинополе (нынешний Стамбул), которое историки позднее назовут Византийской империей⁴. И как вскоре итальянцам пришлось убедиться, византийский император не забыл, что Италия все еще входила в его владения.

---

⁴ В честь Византия, древнегреческого поселения на том же месте.

В 535 году он отправил войска, чтобы отобрать страну у наследников Теодориха и вернуть себе. Это стало началом одной из самых кровопролитных войн в истории. Она затянулась почти на 20 лет и сократила население страны в два с лишним раза. Византийцы в конечном счете победили. Но ресурсы Италии, в том числе людские, были истощены, и она оказалась не в силах противостоять новой волне германских захватчиков – лангобардов.

Их вторжение возвестило наступление очередных 30 с лишним лет постоянных войн, поскольку новоприбывшие принялись выдворять византийцев. Однако так до конца и не справились с этой задачей. К началу VII века Константинополь все еще удерживал Сицилию, Сардинию и значительную часть юга, также как – по крайней мере номинально – и обширную часть полуострова от Равенны на северо-востоке, где у византийского правителя была резиденция, до Рима, где на фоне окружающего беспорядка все более заметную роль в управлении городом и прилегающими районами начинало играть папство⁵.

В 751 году Равенна все-таки сдалась лангобардам, и Рим, который теоретически находился под защитой Византии, вполне могла постигнуть та же участь. Именно поэтому предшественник Льва искал помощи франков. И они сделали именно то, чего от них ожидали. И даже больше. После победы над лангобардами отец Карла Великого Пипин Короткий передал папству власть не только над Римом и его окрестностями, но и над некоторыми землями на севере центральной Италии, которая номинально была частью Византийской империи. Таким образом он создал Папскую область – теократическое государство в сердце Европы, которое просуществовало более 1000 лет.

Коронация Карла Великого, уже коронованного монарха, была не просто выражением благодарности Льва за военную помощь франков. Папа провозгласил его императором возрожденной Западной Римской империи. Хотя титул, дарованный Карлу Великому, был временно утрачен при его наследниках, в середине X века он был обретен вновь, на этот раз навсегда. Земли, которыми управляли императоры, стали впоследствии известны как Священная Римская империя – в названии отражались претензии на легитимность власти, полученной от папства, а через папство – от Бога. Как и Папская область, Священная Римская империя просуществовала до XIX века. Во времена своего расцвета она включала большую часть северной Италии, Сардинию, часть восточной Франции, Швейцарию, исторические Нидерланды, Германию, часть западной Польши, современную Чехию и большую часть нынешней Словении.

Взаимодействие папства с королями франков хотя и имело огромное значение, но заключало в себе немало странностей. Пипин едва ли имел достаточно прав, чтобы передать византийские земли папам. Но у Льва уж точно не было никакого права даровать сыну Пипина титул римского императора. Заявления более поздних пап о том, что они являются наследниками Августа и его преемников, основывались на документе, известном под названием «Константинов дар». Предположительно он содержал доказательства того, что, перед тем как в 330 году сделать Византий столицей, Константин Великий, первый римский император, обратившийся в христианство, вверил западную часть своих владений бывшему тогда у власти папе. Но Константинов дар был подделкой. Его состряпали в папской канцелярии примерно в VIII веке.

Коронуя Карла Великого, Лев, возможно, считал, что таким образом он отстаивает право папства решать, кто будет императором на Западе. Но, кроме того, этим он породил соперничество в праве на наследование Древнего Рима. Борьба притязаний папства, с одной стороны, и наследников Карла Великого – с другой, снова и снова приносила в средневековую Италию смерть и разрушения. После 962 года императорами были германцы, и как только очередной император чувствовал, что пора подтвердить свою власть или пополнить казну, тут же соби-

---

⁵ Наиболее значительный из сохранившихся памятников византийского периода в Риме – полуразрушенная церковь Санта-Мария-Антиква на краю Форума. Долгое время закрытая для посещений из-за реставрации фресок, она была ненадолго открыта в 2014 году.

ралось войско и шло через Альпы. Города разворовывались, прилегающие деревни опустошались. Происходили массовые убийства, изнасилования и грабежи.

Однако создание новой империи принесло с собой не только войны. Как в Италии, так и в Германии оно также привело к усилению политической раздробленности. Хотя некоторые из императоров Священной Римской империи предпочитали править из Рима, большинство всю жизнь жили по другую сторону Альп. Пап же зачастую больше волновали духовные и теологические проблемы, а не земные вопросы, связанные с управлением. Да и в любом случае их возможности были ограничены: в деле защиты Папской области они полагались на свой авторитет и на наемное войско.

Результатом стало фактическое безвластие в северной части Италии, многие города которой – в особенности те, что имели определенную степень независимости в бывшей Римской империи – перешли к самоуправлению. Последующие папы в своем стремлении ограничить власть императоров Священной Римской империи поощряли распространение этих крошечных полудемократических республик, которые назывались коммунами. Когда же в XIV веке коммуны стали сменяться самодержавными формами правления, Италия к северу от Папской области превратилась в лоскутное одеяло из полунезависимых княжеств, герцогств, маркизатов, графств и небольших поместий с вкраплениями случайно сохранившихся республик. Войны между ними были обычным делом.

Таким образом, жители севера и северной части центральной Италии в поздние Средние века были разделены и слабо защищены. Но до тех пор, пока сохранялись коммуны, их граждане наслаждались такой степенью независимости во внутренних делах, какой нельзя было и помыслить в остальной части Европы. Также они становились все более зажиточными: в конце XI века произошел экономический подъем, который с переменным успехом продлился до начала XIV века, заложив материальную основу для Ренессанса.

Самой могущественной из северных республик была Венеция. Однако она же была и самой нетипичной. Население Венеции, обитатели лагун, изначально бежавшие от нашествий германских племен, никогда, даже номинально, не подчинялись Священной Римской империи. Они избрали первого герцога, или дожа, еще в VIII веке, после отделения от Византии. Обогатившись за счет торговли с Востоком, особенно после начала Крестовых походов, Венецианская республика, или Светлейшая⁶, стала влиятельной морской державой. К началу XIII века дожи имели собственную империю, которая со временем распространилась до самого Кипра.

Защищая остальную часть северной и центральной Италии, императоры не только поощряли раздробление региона изнутри, но и отрезали его от юга. В течение 1000 лет после коронации Карла Великого периодически возникали союзы, включавшие то или иное южное государство. Время от времени император шел с армией в Меццоджорно и две части Италии объединялись, хоть и ненадолго, в границах одной империи. Но в остальном север и юг жили независимо друг от друга и развивались как два разных общества.

В IX веке Сицилия была постепенно завоевана мусульманами и оставалась мусульманским эмиратом до конца XI века. «Мысок» и «каблук» итальянского «сапога» все еще находились под прямой властью Византии. Но мусульманские захватчики создали в IX веке еще один сравнительно недолго просуществовавший эмират рядом с Бари. Княжество Ломбардия с центром в Беневенто просуществовало почти 300 лет после вторжения франков (оно было разделено в середине IX века). И когда захват мусульманами Сицилии отделил императоров в Константинополе от оставшихся владений к западу от острова, несколько областей, формально принадлежавших Византии, на деле стали независимыми.

---

⁶ Ее официальным названием было *La Serenissima Repubblica di Venezia* (Светлейшая Республика Венеция). Любопытно, что любой, кто видел лагуну в безветренный день, поймет, как верно это название.

Одной из них была Сардиния. Местные правители, которые были одновременно и судьями (юдексами), захватили управление юдикатами, на которые был поделен остров. Вскоре юдикаты стали наследственными монархиями, одна из которых сохранялась как независимое государство до XV века. На западном побережье итальянского полуострова несколько портовых городов вместе с прилегающими землями – сперва Неаполь, потом Гаэта, Амальфи и ненадолго Сорренто – обрели независимость. В частности, Амальфи в X и XI веках переживал свой золотой век и наслаждался богатством и влиянием благодаря торговле с Византией и дипломатическому оппортунизму (как и правители других южных морских государств, герцоги Амальфи не стеснялись заключать союзы с мусульманскими правителями и даже с пиратами).

Сицилия также процветала, и ее золотой век продлился даже дольше. Во времена эмирата Палермо был, пожалуй, самым крупным (после Константинополя) городом в Европе. Но мусульманское господство закончилось, как и власть Византии, когда в беспрестанных конфликтах, бушевавших между мелкими государствами южной Италии, а также между ними и византийскими войсками, стали принимать участие норманнские наемники. К 1071 году эпоха византийского владычества над Италией подошла к концу, а спустя 20 лет ее властителем стал норманн.

Потомки викингов и фанатичные христиане, норманны оказались неожиданно терпимыми и разумными правителями. На Сицилии они позволили слиться арабским, еврейским, византийским и норманнским традициям, создав таким образом впечатляюще эклектичную культуру. И именно норманн в XII веке объединил Сицилию с остальной Италией в границах одного королевства. В результате юг оставался объединенным почти все последующие 700 лет, хотя немалую часть этого периода Сицилия и остальная Италия управлялись как отдельные субъекты одного государства.

В 1194 году император Генрих VI завоевал Сицилийское королевство – таково было обманчивое название объединенного государства, – и в течение следующих 70 лет вся современная Италия, за исключением Сардинии, оставалась в составе Священной Римской империи. В течение 30 из них, при Фридрихе II, остальная часть империи, которая простиралась до Балтийского моря, управлялась из королевства Сицилии, а именно из Палермо, где император провел детство. В правление Фридриха была предпринята, пожалуй, самая решительная до XIX века попытка объединить Италию под властью одного монарха. Однако его усилия встретили сопротивление со стороны коммун и привели почти к 30-летнему военному противостоянию. Фридрих проиграл в борьбе с папским престолом, а через несколько лет после его смерти Сицилийское королевство было вырвано из лап империи французской династией.

Затем остров Сицилия был проигран Арагонской короне – государству в северо-восточной Испании на территории современной Каталонии. Однако в XV веке король Арагона Альфонс V объединил остров (и Сардинию) с остальной Италией. А после того как Арагонская корона объединилась с Кастильской, южная Италия стала владением нового Испанского королевства – государства, которое вскоре стало господствовать в Средиземноморье и далеко за его пределами.

Объединение юга под властью иностранных правителей сильно контрастировало с раздробленностью севера. Но после множества катастроф XIV века, особенно после эпидемии чумы, экономическая деятельность на севере восстанавливалась и постепенно набирала обороты. Также именно в этот период в Сиене и Флоренции появились первые выдающиеся произведения искусства и литературы эпохи Возрождения.

Как верно заметил Гарри Лайм, многие величайшие достижения итальянской культуры пришлось на самые сложные исторические периоды⁷. За процветанием и началом культурного

---

⁷ Впрочем, насчет часов с кукушкой он ошибся. Их изобрели не в Швейцарии, а на юге Германии.

подъема государств, поглотивших коммуны или пришедших им на смену, не столь заметна была нависшая над ними угроза. К середине XV века, в период расцвета Ренессанса, северная Италия была раздроблена больше чем на дюжину государств. Южнее влияние светской власти пап жестко ограничивала местная знать.

Пока Священная Римская империя покровительствовала северной и центральной Италии, ее жители были защищены от всего, кроме самих себя и случайного гнева императора. Однако к 1300 году этому покровительству пришел конец. И если в V–VI веках Италия была лакомым кусочком для остготов и лангобардов, то в XV веке эта страна – родина Возрождения и богатейшая земля в Европе – стала непреодолимым соблазном для новых национальных государств, начинавших бороться со Священной Римской империей за власть на континенте.

Часто говорят, что немцы так и не оправались от Тридцатилетней войны XVII века, что кровопролитность того судьбоносного столкновения протестантских и католических войск оставила глубокий след в их национальном характере в виде чувства незащищенности, от которого им так и не удалось избавиться. Что-то подобное можно сказать и об итальянских войнах, начавшихся в 1494 году, когда на полуостров вступила французская армия. Почти 60 лет французские, испанские, немецкие и швейцарские войска пересекали Италию вдоль и поперек на фоне головокружительно сложной дипломатии с участием папства, иностранных монархов, султана Османской империи Сулеймана I Великолепного и правителей трагически обособленных и состязающихся друг с другом итальянских государств.

В 1527 году насилие достигло апогея при взятии Рима, которое потрясло всю Европу. Около 20 000 по большей части немецких (и лютеранских) наемников прорвались через городские стены и начали восьмидневную оргию разрушения, которая позже стала известна как «разграбление Рима». Церкви были расхищены, монахини изнасилованы, священники убиты, дома знати сожжены. Бесценные античные сокровища уничтожили или разграбили. Римлян, которых захватчики сочли богатыми, пытали, чтобы они отдали все свое имущество, а если такового не находилось, их все равно чаще всего убивали. Почти четверть населения погибла.

Итальянские войны – не первые в истории полуострова, в которых счеты сводили иностранные государства. Также нельзя сказать, что они были разрушительнее прежних. Но они оказались исключительно унижительными. Эти войны продемонстрировали неспособность итальянцев забыть о разногласиях и сплотиться ради общего блага. Они положили кровавый конец самой прославленной эпохе в истории Италии и возвестили наступление новой, в которую большая часть севера была присоединена к югу под властью чужеземцев. Правителями страны в конце концов стали не французы, а испанцы, которые уже были хозяевами юга – и оказались сильнее. По мирному договору, положившему конец войне, обширные территории Миланского герцогства отошли Испании. Венеция сохранила свою независимость, как и многие другие итальянские герцогства и республики. Но в наступившую эру крупных централизованных национальных государств с имперскими замашками особой свободой действий они похвастаться не могли.

XVI век положил начало экономическому отставанию Италии от других частей Западной Европы, хотя в то время это было отнюдь не очевидно. Предпосылок у него было несколько, но главной стали изменения, произошедшие в мировой торговле. Основные торговые пути теперь пролегали через Атлантику, а не через Средиземное море, а Дальнему Востоку вскоре предстояло занять место Ближнего Востока в качестве источника импорта для богатееющих народов Западной Европы.

Новый политический порядок, установившийся в результате Итальянских войн, действовал еще 150 лет. Но это не значит, что переходный период был мирным. В первой половине XVII века в Италии произошло еще несколько войн, большинство с участием набиравшего силу Савойского герцогства. Кроме того, войны, предопределившие судьбу полуострова в следующем веке, велись за его пределами. И это лишний раз подтверждает, что итальянские госу-

дарства стали пешками в шахматной партии, в которой значимые ходы совершались в других частях европейской шахматной доски. Испанию с места властителя, вершащего судьбу полуострова, вытеснила Австрия, которая впоследствии проиграла юг страны испанской ветви династии Бурбонов.

После этого политическая география Италии существенно не менялась до 1796 года, когда Наполеон Бонапарт, по происхождению скорее итальянец, чем француз, стал последним из генералов, переходивших со своей армией через Альпы. Всего на несколько лет французы воцарились в Италии. Наполеон перекроил границы мелких государств и дал им античные названия (так Тоскана, например, получила название «Королевство Этрурия»).

Как только революционная волна улеглась, старый порядок – как и почти во всей остальной Европе – был восстановлен. Испанские Бурбоны, к тому времени уже почти ставшие итальянцами, получили назад юг полуострова и Сицилию. Неистово консервативные, авторитарные и промонархические правители Европы начала XIX века не хотели иметь дела с республиками. Две из них после наполеоновских войн были упразднены. Генуя досталась Савойскому дому, чьи владения включали Сардинию, Пьемонт с восточной стороны Альп и Савой с западной стороны. Венеция, которая уже больше 1000 лет гордилась своей свободой, была передана Австрии вместе с обширными прилегающими территориями и остатками Венецианской империи. Австрийцы также получили назад земли бывшего Миланского герцогства и таким образом обрели власть над большей частью северной Италии, которая длилась до Рисорджименто.

Почти 14 веков прошло от низложения последнего императора Западной Римской империи до Объединения, которое последовало за проломом Стены Аврелиана рядом с Порта Пиа в 1870 году: 60 поколений жили в разобщенности, беззащитные перед прихотями чужеземных правителей и мощью иностранных армий⁸. Такое не может не оставить след в национальном характере.

---

⁸ Даже русские войска сражались на итальянской земле – в 1799–1800 годах против наступавшей французской революционной армии.

3. Отголоски и отражения

Noi siamo prodotto del passato e viviamo immersi nel passato.
(«Мы созданы прошлым и живем погруженными в прошлое».)
Бенедетто Кроче. История как мышление и как действие (1938)

Я только-только начал работать в Италии иностранным корреспондентом, когда получил письмо от читателя, которое переслала мне лондонская газета. В то время отклики были довольно необычным явлением. Электронная почта в середине 1990-х еще оставалась новшеством, и, если вы хотели выразить свое неодобрение (или, что реже, похвалу) журналисту, вам приходилось писать письмо от руки или печатать его на машинке, класть в конверт и нести к почтовому ящику. Немногие читатели решались на это. Те же, кто решался, обычно оказывались психически нездоровыми людьми, или же были крайне восхищены, или негодовали. Тот читатель был ужасно сердит.

За несколько недель до того, скорее ради красного словца, чем серьезно, я назвал Италию «чарующей, но порочной и полной хаоса». Именно последнее слово взбесило моего британского читателя. «Как Вы могли назвать ее полной хаоса?» – спрашивал он. Он переехал в Италию несколько месяцев назад и, напротив, находил, что жизнь в Италии организована куда лучше, чем в Великобритании. Я только что вернулся в Рим из поездки в Неаполь, так что меня это сильно озадачило. Но потом я посмотрел на адрес в верхнем углу конверта. Отправитель проживал в Болонье. Его Италия и моя Италия были в разных вселенных.

Он обосновался в том месте, которое Итальянская коммунистическая партия (ИКП) в годы холодной войны превратила в образцово-показательный город для социалистического правительства. Как я вскоре узнал, посетив Болонью, автобусы там ходили по расписанию, и пассажиры знали, когда те придут, благодаря электронным табло на автобусных остановках. Такие табло были установлены в Болонье гораздо раньше, чем в других европейских городах (20 лет спустя они только начали появляться в Риме). Я же, наоборот, жил и работал по большей части в южной части Италии – там обычно было больше сюжетов для новостей, чем в других местах – и в совсем другом, менее организованном мире, где автобусы разваливались на глазах, а водители не видели ничего особенного в том, чтобы пронестись с ревом через пешеходный переход, по обе стороны которого люди ждут возможности перейти дорогу.

С другой стороны, амбиции коммунистов в Болонье были не единственной причиной, почему она отличалась – и до сих пор отличается – от более южных городов. Чем севернее от Рима, тем больше *civismo*, что переводится как «гражданственность», «социальная ответственность»⁹ или просто «уважение к окружающим», становится реальностью. Общественные места в городах и помещения в зданиях выглядят чище и опрятнее. И все больше ощущается чувство общности.

Традиционно Италию разделяют на три части: северную, южную и центральную. Центр обычно включает территории бывшей Папской области, а также Тоскану. Это удобное деление, скажем, для метеорологов. Но от него мало пользы, если вы хотите понять суть страны. Болонья находится в Эмилии-Романье. Рим – в Лацио. И оба города находятся в центральной Италии. Тем не менее любому, кто провел больше нескольких часов в каждом, очевидно, что они существуют в разных измерениях.

---

⁹ Немаловажно заметить, в английском языке эти термины обозначают уважение к куда более широкому кругу людей – к «народу» или к «обществу», тогда как *civismo* происходит от *civis* и *civitas* – латинских слов со значением «гражданин», «гражданство» и жители города-государства. Вероятно, единственное сообщество крупнее семьи, в отношении которого итальянцы испытывают естественное и инстинктивное уважение, – это город, который они считают своим домом.

Другой вариант деления страны предложен на страницах книги, содержащей много плодотворных идей и опубликованной в 1990-е американским политологом Робертом Патнэмом. Он и его коллеги хотели выяснить, почему некоторые демократические правительства преуспевают, в то время как другие терпят неудачу. Для этого они изучили документы итальянских региональных администраций и пришли к выводу, что качество их работы в значительной степени зависит от того, насколько люди и учреждения в каждом регионе развили традиции взаимного содействия и доверия. Кроме того, такие традиции сильнее в тех областях, чье население в Средние века получило опыт самоуправления, зачастую в качестве коммун. Исследование Патнэма подразумевает существование линии, делящей Италию всего на две части: север и юг. Такие города, как Болонья, на периферии бывшей Папской области, которые были почти независимы от прямой власти Рима большую часть своего существования, можно присоединить к северу. Но и его предположение не может объяснить все. Например, в городе Матера в Базиликате *civismo* хватает, хотя это юг. Однако в книге Патнэма много говорится о влиянии истории Италии на ее многообразие. И все же причина не только в этом.

Правление чужеземцев породило в каждом регионе свои особенности. В древности греческие поселенцы обосновались на Сицилии и в южных частях полуострова, оставив неизгладимый след в местной культуре. Среди прочего – название калабрийской мафии «Ндрангета», которое считается словом греческого происхождения. В Сицилии на греческую основу наслось арабское и берберское влияние, которое также затронуло часть Пулии. На многовековое присутствие мусульман часто ссылаются, когда хотят объяснить традиционно низкое положение женщин на Сицилии, а также большое количество темноглазых темноволосых красавиц в Пулии. Но некоторые итальянцы скажут вам, что, как ни удивительно, в Сицилии вы скорее, чем в любой другой части Италии, встретите блондина или рыжего, и это следствие более чем векового правления норманнов. И что действительно правда, так это то, что в Меццоджорно свой след оставили испанцы, и именно их нередко обвиняют в том, что они привили высшему обществу юга презрение к труду и нежелание вкладывать деньги во что-либо, кроме земли. Ровно противоположные ценности долгое время оставались в силе на севере, который то и дело захватывали германские племена. Готы и – возможно, в гораздо большей степени – лангобарды изменили этнический состав северной Италии, а также некоторых областей южной. Австрийское правление на севере в XVIII и XIX веках прослеживается в архитектуре Милана и более восточных городов. А собор Святого Марка в Венеции свидетельствует о влиянии православного христианского Востока, с которым венецианцы выгодно торговали сотни лет.

История – в особенности бесконечное перекраивание границ государств на территории современной Италии – помогает понять, почему даже сегодня эта страна остается обширным полем для лингвистических исследований. В ней сосуществуют несколько совершенно чуждых друг другу языков. Больше чем три четверти жителей долины Аосты говорят либо на французском, либо на франко-провансальском наречии. В западных районах Пьемонта живет около 100 000 носителей окситанского языка. А в Альто-Адидже (Южный Тироль) в дополнение к немецкому, на котором говорит около 70 % населения – почти 350 000 человек, – есть еще и ладинский, родной язык примерно для 20 000 итальянцев. Ладинский родственен фриульскому, на котором говорят куда больше людей – около 300 000. При этом во Фриули-Венеции-Джулии среди прочих языков можно найти архаичный вариант словенского, известный как «резьянский язык» (некоторые специалисты считают его отдельным языком), а также различные диалекты немецкого.

Хорватскую речь можно услышать в Молизе. Кроме того, по южной части итальянского полуострова и Сицилии разбросано около 50 албаноговорящих сообществ. Арбереша, как их называют, – потомки эмигрантов, бежавших от власти Османской империи, начавшейся в XV

веке. С годами благодаря интеграции их численность порядком сократилась¹⁰, но тем не менее количество говорящих на албанском в Италии достигает 100 000. Еще около 20 000 итальянцев считаются носителями диалекта греческого языка, весьма уместно названного «грико». Этот язык до сих пор жив в нескольких деревеньках в Пулии и Калабрии и даже среди некоторых горожан в Реджо-ди-Калабрии. На каталонском говорят в городе Альгеро и его окрестностях на северо-западе Сардинии, где около 10 000 человек считают его родным языком.

В других странах тоже есть многочисленные сообщества, говорящие на иностранных языках, но что действительно выделяет Италию, так это огромное количество жителей, говорящих на диалектах. Где именно начинается диалект и заканчивается язык – сложный вопрос, на который не дашь бесспорный ответ. Сардинский, или сарду, обычно считают самостоятельным языком, и его отличия от итальянского возникли как следствие слабой связи острова с остальной страной на протяжении большей части ее истории. На самом деле у сардинского с итальянским меньше общих слов, чем с французским. Даже на письме эти два языка выглядят очень по-разному. Например, итальянская поговорка «Il sangue non è acqua» (эквивалент «Кровь гуще воды»), на сарду выглядит так: «Su sambene no est abba». Подавляющее большинство сардов – около миллиона человек – говорят на сарду, у которого есть три собственных диалекта.

Пьемонтский и сицилийский, на которых говорят соответственно 1,6 и 4,7 млн итальянцев, также достаточно самобытны, чтобы считаться самостоятельными языками. Кто-то добавит сюда венецианский, ломбардский и неаполитанский. Но кроме этого существует бесчисленное множество вариаций на тему того, как итальянцы говорят между собой дома и с жителями своего города или региона. На расстоянии всего нескольких километров диалектные названия предмета, существа или деятельности могут очень различаться. Например, вешалка известна одним итальянцам как ometto, другим – как stampella, а иным – как angioletto. Но также она может называться gruccia, attaccapanni, appendiabiti, cruccia, stanfella, crocetta, crociera, appendino или sgose.

И если итальянцы всегда с радостью объяснят вам, почему их город или регион особенный, то сходство друг с другом они осознают не вполне. Однако, порождая различия, история дала им также много общего. Итальянцы знают, что их предки покорили Римскую империю и дали миру Возрождение, и это лежит в основе присущей им самоуверенности, которую очень скоро замечает любой живущий среди них. Иногда она проявляется в виде склонности – которой почти не встретишь среди их испанских «братьев» – к индивидуализму. Социолог Джузеппе де Рита утверждал, что прошлое итальянцев наделило их, как и многих греков, не просто уверенностью в себе, а чем-то большим – врожденным чувством собственного превосходства.

«Я никогда не считал итальянцев расистами в классическом смысле этого слова, – сказал он однажды журналисту. – Однако они убеждены в своем превосходстве, и это связано с их историей. Во всем и всегда они чувствуют себя умнее, сообразительнее и лучше».

Могу представить, как много итальянцев посмеялись бы над кое-чем из сказанного. Не думаю, что можно считать себя продолжателем традиций Августа и Леонардо, живя в какой-нибудь отсталой деревушке в Базиликате или в одном из жилых массивов промышленной зоны долины По. Но чувство гордости, которое описывает де Рита, определенно можно обнаружить у тосканцев, венецианцев, римлян и многих других. То, что он сказал о вере итальянцев в свое превосходство, в то, что они более sveglío («ловкие») и in gamba («сообразительные»), несомненно, правда.

---

¹⁰ Франческо Криспи, один из героев Рисорджименто и один из первых премьер-министров Италии, имел албанские корни. Преподаватель и политик Стефано Родота, который возглавил организацию по защите персональных данных, был родом из арберешской деревни в Калабрии. Его дочь Мария Лаура Родота – известная колумнистка газеты Corriere della Sera и автор очерков.

В то же время итальянцы осознают, что они неоднократно становились жертвами вторжений и притеснений и, что еще хуже, все это им пришлось терпеть от европейских собратьев. Это объясняет смешанное чувство обиды и незащищенности, которое уживается в народной душе вместе с чувством гордости. Взять хотя бы национальный гимн Италии «Il canto degli Italiani», более известный как «L'Inno di Mameli» – в честь автора текста¹¹. Национальные гимны обычно сочиняют для похвалы и запугивания, для того, чтобы рассказать миру о красоте и других предполагаемых достоинствах страны, а также чтобы сообщить о могуществе государства и о том, что шутки с ним плохи.

Американцы объявляют свою страну «землей свободных и домом храбрых». Британцы призывают Господа хранить их королеву:

Рассей ее врагов
И приведи к гибели.
Посрами усилия их государств,
Расстрой их подлые уловки.

А что же итальянцы? Во втором куплете они сообщают миру:

Noi fummo da secoli
Calpesti, derisi,
Perché non siam popolo,
Perché siam divisi.

(«На протяжении веков
Мы угнетены [и] осмеяны,
Так как мы не единый народ,
Так как мы разделены.».)

Конечно, можно сказать, что «L'Inno di Mameli» – дитя своего времени, что между 1847 годом, когда он был написан, и тем днем в 1870 году, когда берсальеры прорвались через Стену Аврелиана, прошло 23 года, и все это время итальянцы действительно были разделены и угнетены (хотя уж точно не осмеяны: храбростью итальянских националистов, в особенности Джузеппе Гарибальди, восхищались по всей Европе). Также правда, что процитированные выше слова можно услышать нечасто. На военных парадах и международных футбольных матчах обычно поют только первый куплет и припев.

И все же мне кажется примечательным тот факт, что нация сохранила в своем гимне куплет, без обиняков рассказывающий о прошлых унижениях, уж не говоря о словах «мы не единый народ, так как мы разделены». Это еще удивительнее, потому что «L'Inno di Mameli» был принят не сразу после объединения. Сначала Италия была монархией, и ее национальным гимном считалась *marcia reale* («королевский марш») Савойского дома. Только в 1946 году Итальянская республика выбрала «L'Inno di Mameli», и только в 2005 году его статус национального гимна был подтвержден законодательно.

Народ с такой историей, как у итальянцев, не может относиться к иностранцам без некоторой подозрительности. В то время как британцы, испанцы и турки имели дело с чужеземцами как завоеватели, а затем правители, для итальянцев со времен варварских набегов было верно обратное. Это помогает объяснить инстинктивный протекционизм, присутствующий в

---

¹¹ Интересно, что Гоффредо Мамели написал итальянский национальный гимн, когда ему было всего 20 лет.

Италии, а также фаталистическое принятие идеи о том, что ключевые для будущего страны решения принимают иностранцы, и это вполне нормально.

Есть даже такой термин (возможно, «эвфемизм» – более подходящее слово) для обозначения мнений других стран, которые необходимо принять во внимание при выстраивании политики правительства или партии. Такие взгляды в целом называют *vincolo esterno*, или «внешнее ограничение». Для христианско-демократических правительств во время холодной войны таким ограничением была позиция администрации Соединенных Штатов, а особенно ЦРУ, по любому отдельно взятому вопросу. Для их оппонентов из Итальянской коммунистической партии это была последняя доктрина, принятая Кремлем. После того как пала Берлинская стена, основным *vincolo esterno* для высокопоставленных политиков стала Европейская комиссия в Брюсселе, а после перехода на евро – Европейский центральный банк во Франкфурте. Это неприятно, но иногда бывает полезно: находясь под внутренним давлением, итальянские политики часто обнаруживают, что единственный способ принять необходимые, но непопулярные меры – обосновать их электорату как *vincolo esterno*.

Опасливое отношение к иностранцам особенно ярко проявляется, когда последними оказываются носители немецкого языка, которые, как мы видели, наиболее активно вмешивались в дела полуострова. Итальянцы лишь совсем недавно начали задаваться теми вопросами, которые годами обсуждаются в Великобритании: имеют ли Евросоюз в целом и евро в частности потенциал для установления немецкого господства над всем континентом. Подозрительность и чувство обиды в отношении Германии и немцев существуют по сей день и порой вырываются наружу в самые неожиданные моменты (например, в 2003 году Сильвио Берлускони, будучи премьер-министром Италии и выступая перед Европейским парламентом, заявил немецкому социалисту, который его провоцировал, что тот напоминает ему надзирателя в нацистском концлагере).

Полная жестокости и насилия история Италии позволяет также, мне кажется, объяснить более обобщенный фатализм среди итальянцев и их отвращение к войне. Другие народы тоже ненавидят войну, и обычно чем свежее их опыт военного конфликта, тем больше ненависти. Но в некоторых обществах война связывается и с чем-то положительным: героизмом, риском, славой и т. д. В Великобритании, например, кровопролитие шло рука об руку с имперскими завоеваниями, и хотя идею империи уже невозможно превозносить, британцы до сих пор с гордостью вспоминают таких людей, как Клайв, Нельсон и Гордон. А у сербов и других балканских народов война ассоциируется с мужественным сопротивлением османам.

Однако в Италии такое отношение редко можно встретить у кого-то, кроме профессиональных военных, – разве что у сторонников крайних неонацистских взглядов. Принадлежность к вооруженным силам несет в себе совсем иной смысл, нежели в Великобритании или США.

Из собственного опыта я знаю, что если вы вернулись из зоны боевых действий, людям часто бывает интересно послушать ваши рассказы об этом опыте – не из-за какого-то нездорового интереса к теме смерти и насилия, а из-за того, что в ходе вооруженных конфликтов возникают исключительные ситуации, происходят странные случаи, и, не будем отрицать, все это вызывает определенное возбуждение. Однако я быстро понял, что в этом отношении итальянцы являются исключением. Стоило мне или кому-то другому упомянуть, что я делал репортажи о войне, как они ловко заканчивали разговор или переводили его в другое, более социально приемлемое русло. Для подавляющего большинства итальянцев война просто-напросто *brutta* (безобразна, отвратительна), и в приличном обществе говорить о ней не следует.

Конечно же, в жизни итальянцев присутствует жестокость – мафиозные убийства, хулиганство футбольных болельщиков и домашнее насилие. Но физическая агрессия часто заменяется словесной, и оскорбления редко переходят в драку. Понимая это, итальянцы часто гово-

рят друг другу такое, что в других странах привело бы к поножовщине. Из опыта работы в итальянских офисах я знаю, что жестокие перебранки случаются довольно часто, и сначала вам кажется, что их участники вот-вот подерутся, но уже на следующий день они общаются друг с другом вполне мирно.

То же происходит в политике. Грубость языка, которым повседневно пользуются итальянские политики, изумляет. Возьмем, к примеру, слова Клементе Мастеллы, который был министром юстиции при втором правительстве Романо Проди с 2006 по 2008 год: «Он не герой. Он просто никчемный моралист». Да, такое оскорбление могут прокричать в нижней палате парламента или бросить конкуренту на выборах в президенты. Но дело в том, что Мастелла высказался так о своем коллеге в правительстве, министре инфраструктуры Антонио ди Пьетро. Так что вы можете представить, что говорят друг другу политические соперники.

Исторически так сложилось, что для итальянцев использование грубой силы редко оказывалось правильным решением. Долго правившие ими легаты и наместники всегда могли призвать куда больше военных сил, чем сами итальянцы, и то же можно сказать об иностранных государствах, которые постоянно вмешивались в дела Италии. Возможно, это объясняет, почему итальянцы так уверовали в ум, дипломатию и хитрость, ведь перечисленные качества облегчали им жизнь и позволяли хоть ненадолго сравнять счет с чужеземцами, которые были, в сущности, их колониальными правителями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.